

По вопросу о духовном образовании.

О желательности отмены процентнаго ограниченія при приѣмѣ инословныхъ воспитанниковъ въ духовно-учебныя заведенія.

Доступъ въ семинарію лицамъ всѣхъ сословій явился бы однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня воспитанниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пастырей церкви. Въ настоящее время въ семинарію поступаютъ почти исключительно дѣти духовенства, поступаютъ не по призванію, а или по необходимости, или по традиціи. Вслѣдствіе этого воспитанники не отличаются любовью ни къ богословской наукѣ, ни къ церковности. Часто, наоборотъ, къ той и другой они чувствуютъ отвращеніе, мечтаютъ о свѣтскомъ учебномъ заведеніи, естественныхъ наукахъ, гражданской карьерѣ. Отсюда они занимаются только изъ подъ палки, ненавидятъ семинарію, ея науку и ея режимъ, отсюда же по выходѣ изъ семинаріи и поступленіи на мѣсто они являются не пастырями, а наемниками, чисто формально относящимися къ своимъ обязанностямъ. Если же въ семинарію будетъ открытъ свободный притокъ свѣтскихъ элементовъ изъ различныхъ сословій, то туда, несомнѣнно, станутъ поступать лишь тѣ, кто чувствуетъ призваніе къ священству, такъ какъ само по себѣ послѣднее не соединено ни съ какими заманчивыми прерогативами. Съ точки зрѣнія карьеры гимназія и университетъ всегда будутъ имѣть преимущество предъ семинаріей, такъ какъ должности адвоката, доктора, инженера, судебного слѣдователя, податнаго инспектора и по объему власти и по получаемому окладу несравнимо превосходятъ скромное мѣсто сельскаго священника.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ дѣтямъ свѣтскаго званія поступать въ духовно-учебныя заведенія естественно долженъ повыситься умственный уровень воспитанниковъ этихъ послѣднихъ. Надобно замѣтить, что въ настоящее время семинаріи наполняются преимущественно юношами, родители которыхъ въ свое время далеко не были первыми учениками. Это потому, что лучшіе питомцы средней духовной школы по окончаніи ея всегда уходили или въ университетъ, или въ академію, а кому неизвѣстно, что лица, получившія высшее образованіе, хотя бы сами и происходили изъ духовнаго званія, по большей части отдають своихъ дѣтей въ реальныя училища или гимназіи. Контингентъ воспитанниковъ семинаріи пополняется преимущественно дѣтьми псаломщиковъ, діаконовъ и священниковъ, въ юные годы не отличавшихся особенными дарованіями. Не отличаются ими и ихъ сыновья. Изъ свѣтскаго общества въ духовную школу стали бы поступать лишь тѣ, кто имѣеть дѣйствительную жажду знанія и охоту трудиться. Они съ энергіей и увлеченіемъ начали бы дѣлать свободно избранное ими дѣло и, конечно, не стали бы предпочитать изученію семинарскихъ предметовъ чтеніе старинныхъ приложеній къ „Свѣту“, бездѣльное хожденіе по корридорамъ или даже игру въ крестики и нулики.

Опытъ показываетъ, что инословные воспитанники духовной школы всегда были лучшими ея элементами, наиболѣе умными и трудолюбивыми. Изъ моихъ товарищей по семинаріи нѣсколько человѣкъ свѣтскаго званія поступили въ высшія учебныя заведенія, одинъ занимаетъ теперь профессорскую кафедру, всѣ вообще были дѣльными и симпатичными людьми. Правда, въ такъ называемыхъ семинарскихъ безпорядкахъ инословные воспитанники по официальнымъ даннымъ, по видимому, принимали наиболѣе дѣятельное участіе, но во 1) въ журнальныхъ постановленіяхъ правленія таковое обыкновенно значительно преувеличивалось семинарскимъ начальствомъ, желавшимъ показать, что смута вошла въ стѣны заведенія „отъинудѣ“, и что оно въ ней невиновно, а во 2) при общей гнилости современнаго духовно-учебнаго строя, оно свидѣтельствовало не о зломъ направленіи воли, не о моральной испорченности, а скорѣе наоборотъ, о невозможности для умственно и нрав-

ственно здороваго человѣка примириться съ мертвечиной семинарской науки и съ деспотическимъ гнетомъ монашеско-полицейскаго режима. Инословные воспитанники не потому, слѣдовательно, всегда стояли въ первыхъ рядахъ семинарскихъ стычекъ съ начальствомъ, чтобы они были негодяями или имѣли склонность къ хулиганству, а потому, что для нихъ, какъ людей свѣтскихъ, представлялась особенно невыносимою затхлая семинарская атмосфера, что они болѣе другихъ въ ней задыхались, съ большею жадностью хотѣли струи свѣжаго воздуха. Съ другой стороны, въ нихъ было меньше того рабскаго сознанія, которое вѣками создавалось въ духовенствѣ подъ гнетомъ вѣчной зависимости отъ всего и всѣхъ, а потому для нихъ казались, особенно тяжкими цѣпи школьной дисциплины, до мелочей регламентирующей распорядокъ ихъ жизни. Поэтому они всѣми силами старались разорвать эти цѣпи, хотя бы, освободившись отъ нихъ, имъ и пришлось разбить свою карьеру о каменную стѣну неумолимаго семинарскаго устава.

Необходимость допустить притокъ въ семинарію свѣтскихъ элементовъ изъ другихъ сословій безъ всякихъ ограниченій сама собою сдѣлается очевидной въ томъ случаѣ, если всѣмъ семинаристамъ безъ различія разрядовъ открыть доступъ въ университетъ и академію. При сохраненіи настоящаго порядка вещей въ такомъ случаѣ большинство воспитанниковъ захотѣло бы получить высшее образованіе и отказалось бы идти во священники. Но если изъ свѣтской среды станутъ поступать въ духовную школу люди призванія, то они не захотятъ промѣнять пастырскаго служенія ни на какую иную карьеру, какою бы блестящею послѣдняя ни представлялась. Это потому, что если они свободно выберутъ именно семинарію, то, очевидно, не по другой какой причинѣ, какъ вслѣдствіе любви къ церкви и всему церковному, вслѣдствіе уваженія къ пастырству. Въ противномъ случаѣ, по окончаніи духовнаго училища они, конечно, предпочли бы переходъ въ гимназію, обученіе въ которой обѣщаетъ юношѣ несравнимо болѣе заманчивыя перспективы.

Отъ мальчика, поступающаго въ духовное училище, конечно, трудно ожидать вполне разумнаго отношенія къ будущему, сознательной оцѣнки различныхъ возможныхъ для него путей жизни. Отсюда, повидимому, ни о какомъ при-

званіи, ни о какомъ свободномъ выборѣ школы въ этомъ возрастѣ не можетъ быть и рѣчи. Но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Индивидуальность человѣка со всѣми ея характерными особенностями обнаруживается очень рано, почти вмѣстѣ съ пробужденіемъ въ немъ самосознанія. Одни дѣти религіозны, склонны къ созерцательности, любятъ тишину и уединеніе, чуждаются шумныхъ игръ, равнодушны ко всевозможнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Другіе чуть не съ пеленокъ проявляютъ жажду къ интенсивной жизни, къ наслажденіямъ, небрежно относятся къ молитвѣ, неохотно идутъ въ храмъ, предпочитаютъ свѣтское пѣніе духовному, непочтительно относятся къ батюшкѣ, любятъ спортъ и танцы, воображаютъ себя офицерами, инженерами и т. п. При обстоятельномъ разъясненіи со стороны родителей, что ожидаетъ ихъ при поступленіи въ школу того или другого типа, дѣти первой группы несомнѣнно выберутъ духовную, второй—свѣтскую. Но если бы ребенокъ и не могъ самъ рѣшить вопроса о томъ, куда ему поступить, то во всякомъ случаѣ его родители постарались бы направить своего сына по тому пути, который болѣе соотвѣтствуетъ его индивидуальности. Наконецъ, въ духовныя училища стали бы отдавать своихъ дѣтей преимущественно благочестивыя, религіозно настроенныя семьи, а въ этомъ также до нѣкоторой степени можно видѣть залогъ того, что иносословные воспитанники будутъ любить церковь и богословіе. Это потому, что настроеніе семьи обыкновенно отражается на ея младшихъ членахъ и что отъ благочестивыхъ родителей скорѣе могутъ быть благочестивыя дѣти. Въ настоящее же время духовенство отдаетъ своихъ дѣтей въ училища и семинаріи просто по традиціи, совершенно не считаясь съ ихъ индивидуальностью, а многія религіозно настроенныя свѣтскія лица и хотѣли бы современемъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ пастырей церкви, но встрѣчаютъ къ этому препятствіе въ семинарскомъ уставѣ, устанавливающимъ процентное ограниченіе для иносословныхъ. Это ограниченіе должно быть отменено, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

О свободномъ выходѣ воспитанниковъ семинаріи изъ общежитія на частныя квартиры.

Свободный выходъ воспитанниковъ на частныя квартиры во многихъ семинаріяхъ существуетъ уже и въ настоящее время. Но въ нѣкоторыхъ онъ обставленъ значительными, иногда неопределимыми затрудненіями. Въ корпусѣ разрѣшается жить только у родителей. Даже у дѣдушки, брата или дяди, какое бы общественное положеніе они не занимали, воспитанникъ поселиться не имѣетъ права. Послѣднее онъ можетъ получить лишь добывши докторское свидѣтельство о какой либо тяжелой органической болѣзни, но и въ этомъ случаѣ семинарское правленіе можетъ ни отпустить его изъ общежитія. Удостовереніе врача о томъ, что ученикъ не можетъ жить въ корпусѣ, не имѣетъ для педагогическаго совѣта обязательнаго значенія. Если проситель представляется семинарскому начальству не достаточно благонадежнымъ, оно можетъ заставить его жить въ корпусѣ, хотя бы онъ страдалъ чахоткой или порокомъ сердца.

По нашему мнѣнію требованіе, чтобы ученикъ обязательно жилъ въ общежитіи, представляетъ изъ себя покушеніе на стѣсненіе индивидуальной свободы въ той области, въ которой она нисколько не угрожаетъ опасностью для общаго блага. Оно не имѣетъ въ свою пользу никакихъ разумныхъ, вѣскихъ соображеній, а между тѣмъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ справедливости, а иногда и гуманности. Оно совершенно не считается съ индивидуальностью различныхъ воспитанниковъ. А между тѣмъ для нѣкоторыхъ болѣзненныхъ, нервныхъ, меланхолическихъ натуръ казенный режимъ и, главное, принудительное товарищество—невыносимы. Есть мальчики и юноши, любящіе покой и уединеніе, могущіе заниматься дѣломъ только при полной тишинѣ, постоянно имѣющіе потребность оставаться наединѣ съ самими собою. Для таковыхъ интернатъ со всею его казенщиной и почти арестантской обстановкой составляетъ совершенно неподходящую сферу, въ которой они по необходимости должны испытывать тяжкія моральныя страданія. Онъ можетъ совершенно искалѣчить ихъ натуру, разстроить нервную систему, озлобить, раздражить и поселить въ нихъ ненависть къ учебному заведенію. Задача школы заключается

не въ томъ, чтобы нивелировать всѣхъ воспитанниковъ, выдѣлывать ихъ по одному образцу чрезъ ломку ихъ индивидуальности, а въ томъ, чтобы съ сохраненіемъ послѣдней и примѣняясь къ ней, придти на помощь ея нормальному и свободному росту. Иначе можно изуродовать душу воспитанника, сдѣлать изъ него духовнаго гермафродита.

Если бы даже распорядокъ жизни въ семинаріяхъ дѣйствительно былъ очень хорошимъ, то и тогда нельзя было бы дѣлать его обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ. У каждого свои вкусы, свои привычки, и пока они не заключаютъ въ себѣ ничего вреднаго или дурного, нѣтъ никакого основанія налагать на нихъ стѣсняющую руку. Но на самомъ дѣлѣ внутренній строй нашихъ духовныхъ школъ далекъ отъ совершенства. Казенная семинарская и училищная атмосфера есть атмосфера затхлая какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи этого слова. Скучная пища, пыль, вонь, сквозные вѣтры изнуряютъ организмъ, а вѣчная суета, шумъ и галдѣніе одуряющимъ образомъ дѣйствуютъ на молодую душу. Многіе воспитанники буквально не знаютъ куда себя дѣть, какъ помѣшанные ходятъ изъ угла въ уголъ, готовы приняться за что угодно, лишь бы только убить время. И въ такомъ то аду обязательно должны жить всѣ, какъ бы они ни были нервны и измучены, какое бы отвращеніе ни питали къ бурсѣ, какой бы ни обладали утонченной и деликатной психической организаціей.

Въ условіяхъ современнаго семинарскаго общежитія, когда въ одной душевной комнатѣ цѣлый день должны находиться 40—50 человѣкъ различнаго темперамента, различныхъ вкусовъ—трудно ожидать отъ воспитанниковъ того, что принято называть „хорошимъ поведеніемъ“. Никакая дисциплина, даже самая суровая, не сдѣлаетъ ихъ въ истинномъ смыслѣ благовоспитанными и даже не заставитъ „сидѣть смирно“, „занимаясь уроками“. Молодые люди—не манекены. Имъ нужна жизнь, нужны развлечения. При отсутствіи таковыхъ, потребность въ нихъ, подогрѣваемая одуряющимъ дѣйствіемъ бурсацкой атмосферы, проявляется въ уродливыхъ формахъ. При существующемъ строѣ общежитія семинарскія безобразія—карточная игра, пьянство, рассказываніе сальныхъ анекдотовъ, иногда даже драки,—естественны и въ этомъ смыслѣ необходимы. Заприте на годъ въ одну, двѣ комнаты 40—50

взрослыхъ дисциплинированныхъ людей, и они будутъ дѣлать тоже самое. Устройте такіе интернаты, гдѣ для каждой небольшой группы воспитанниковъ была бы отведена просторная свѣтлая комната, гдѣ были бы читальня, музыкальная и гимнастическая залы, сады, цвѣтники, рѣка или прудъ, зимою катокъ, дайте возможность юношамъ получать здоровыя и разумныя развлечения, посѣщать театры, концерты, знакомые дома, участвовать въ спектакляхъ, литературно-музыкальныхъ вечерахъ,—и тогда уже требуйте отъ нихъ хорошаго поведенія. А пока этого сдѣлать нельзя, надобно не запрещать, а всѣми мѣрами поощрять переходъ воспитанниковъ на частныя квартиры. Здѣсь и заниматься дѣломъ много удобнѣй и, главное, можно уберечься отъ того развращающаго и огрубляющаго дѣйствія, которое оказываетъ на молодую натуру жизнь въ общежитіи.

Право самозащиты воспитанника предъ судомъ правленія.

Право воспитанника защищать себя предъ судомъ правленія едвали можетъ встрѣтить какія-либо возраженія, настолько оно представляется намъ естественнымъ и справедливымъ. Если для всѣхъ русскихъ гражданъ уже 45 лѣтъ существуетъ гласный судъ съ преніемъ сторонъ и послѣднимъ словомъ подсудимаго, то непонятно, почему только для учащихся должна оставаться въ силѣ старинная келейная система разбирательства. Вѣдь нельзя сказать, чтобы наказаніе, которому можетъ подвергнуться воспитанникъ по суду правленія, всегда было малозначительно сравнительно съ тѣмъ, которое налагается государственными судебными инстанціями. Увольненіе изъ учебнаго заведенія иногда равносильно порчѣ всей жизненной карьеры и сопровождается тяжкими страданіями какъ для самого наказаннаго, такъ и для его родителей. По своимъ послѣдствіямъ оно является даже болѣе тяжелымъ, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ и, тѣмъ не менѣе, обвиняемый лишенъ возможности оправдываться предъ своими судьями, сказать хоть одно слово въ свою защиту.

Предварительное слѣдствіе, на основаніи котораго происходитъ судъ въ педагогическомъ совѣтѣ, часто ведется въ высшей степени небрежно и вопреки всѣмъ правиламъ юри-

дической науки. Здѣсь допускается тотъ, давно уже осужденный этикой приѣмъ, по которому стараются поймать заподозрѣннаго на словѣ, запутать его, сбить и вынудить сознание обѣщаніемъ (по большей части ложнымъ) смятенія участіи или угрозой, что „иначе будетъ хуже“. Еще далѣе отстоять отъ совершенства самое судебное слѣдствіе въ за-сѣданіи правленія. Иногда воспитанникъ подвергается тяжелому наказанію единственно на основаніи словъ надзирателя, который, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ имѣть съ нимъ личные счеты (даже на романической почвѣ). Свидѣтельство начальствующаго лица, преподавателя или члена инспекціи считается заслуживающимъ безусловнаго довѣрія, хотя бы противъ него одного свидѣтельствовали цѣлыя сотни воспитанниковъ и хотя бы въ исходѣ дѣла онъ былъ лично заинтересованъ. Если, напримѣръ, преподаватель, или даже надзиратель заявляетъ, что воспитанникъ ему „нагрубилъ“, то это заявленіе не признается подлежащимъ провѣркѣ и самъ оскорбленный участвуетъ въ судѣ надъ своимъ обидчикомъ не только какъ обвинитель, но и какъ членъ. А между тѣмъ, кажется, нѣтъ нужды приводить ту уже избитую этико-юридическую аксіому, что заинтересованность судьи въ исходѣ процесса или существованіе у него личныхъ счетовъ съ обвиняемымъ лишаетъ его права участвовать въ рѣшеніи судьбы преступника, а послѣднему даетъ основаніе для отвода. Затѣмъ, опредѣленіе виновности или невинности воспитанника часто происходитъ на основаніи предположеній, слуховъ, различныхъ негласныхъ свидѣтельствъ, источникъ которыхъ извѣстенъ далеко не всѣмъ членамъ правленія. Немаловажную роль играютъ здѣсь и соображенія начальства о желательности или нежелательности дальнѣйшаго пребыванія обвиняемаго въ стѣнахъ учебнаго заведенія о степени его благонадежности и тому под. Тотъ принципъ, которымъ руководствуются государственные уголовные суды: „лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго“ никогда не соблюдается семинарскимъ правленіемъ. Здѣсь чаще можно встрѣтить примѣненіе какъ разъ обратной точки зрѣнія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитанникъ обвиняется въ проступкѣ особенно нетерпимомъ и требующемъ строгой репрессіи. Я знаю, что въ одной семинаріи при невозмож-

ности найти виновниковъ происшедшихъ безпорядковъ, вопреки всякой логикѣ, дѣлали переходъ отъ возможности къ дѣйствительности, разсуждая такъ: такой то ученикъ по свойствамъ своего темперамента *могъ* принимать участие въ бунтѣ, слѣдовательно, онъ *долженъ* быть признанъ виновнымъ и подвергнутъ наказанію. Основаніями для предположенія о возможности участія въ безпорядкахъ служили; напримѣръ, такія данныя, какъ то, что извѣстный воспитанникъ самолюбивъ, дѣятеленъ, пользуется вліяніемъ на товарищей, любитъ свѣтское чтеніе, носитъ синіе брюки. И какъ разъ вышло, что были признаны виновными и затѣмъ изгнаны изъ семинаріи лучшіе элементы класса, оставлены же тѣ, которые по своей бездарности, пассивности, смиренію и скудоумію оказались стоящими внѣ всякаго подозрѣнія. Положеніе: „виновность такого то сомнительна, слѣдовательно, приговоръ возможенъ только оправдательный“ въ семинарскомъ совѣтѣ часто замѣняется другимъ: „невинность подозреваемого не доказана, слѣдовательно, онъ долженъ понести наказаніе.

По нашему мнѣнію, судъ семинарскаго правленія долженъ быть организованъ по образцу свѣтскаго уголовного суда. Предварительное слѣдствіе по обвиненію въ проступкѣ, за который грозитъ увольненіе, должно производиться инспекторомъ вмѣстѣ съ его помощникомъ и обязательно въ присутствіи одного или двухъ воспитанниковъ. Никакія мѣры къ тому, чтобы вынудить у заподозрѣннаго сознаніе, а тѣмъ болѣе запутать его, не могутъ быть принимаемы. Судъ правленія долженъ быть гласнымъ. На немъ имѣютъ право присутствовать не только обвиняемый, но и его товарищи, а также родители и родственники. Подсудимому должны быть представлены тѣ данныя, на основаніи которыхъ возводится на него обвиненіе и право защиты. Онъ можетъ пригласить тѣхъ свидѣтелей, которыхъ пожелаетъ, а свидѣтели обвиненія должны быть допрошены въ его присутствіи. Самое рѣшеніе вопроса о виновности или невинности обвиняемаго и опредѣленіе наказанія могутъ происходить посредствомъ баллотировки въ особой комнатѣ. Но только правленіе при постановленіи приговора не должно принимать въ соображеніе никакихъ такихъ данныхъ, которыя не были бы указаны воспитаннику, съ тѣмъ, чтобы онъ по поводу каждаго эле-

мента обвиненія могъ съ своей стороны дать соотвѣтствующія объясненія для своего оправданія.

Нѣсколько словъ объ изученіи воспитанниками семинаріи текстовъ по догматическому и нравственному богословію.

Въ настоящее время при изученіи догматическаго и нравственнаго богословія въ духовныхъ семинаріяхъ слишкомъ большое значеніе придается запоминанію текстовъ. На немъ именно сосредоточивается главнымъ образомъ вниманіе воспитанниковъ, на него уходитъ большая часть времени и труда. По нашему мнѣнію—это грубая ошибка. Тексты въ богословскихъ системахъ имѣютъ двоякое значеніе. Во 1) они служатъ доказательствами истинности того или другого церковнаго ученія, согласія его съ Словомъ Божиимъ, во 2) разъясняютъ извѣстный догматъ, точнѣе опредѣляютъ, какой смыслъ надобно соединять съ тѣмъ или инымъ членомъ вѣры. Но для достиженія первой цѣли достаточно привести по одному важнѣйшему тексту на каждое догматическое или нравственное положеніе. Для убѣжденія человѣка, вѣрующаго въ авторитетъ священныхъ книгъ, этого будетъ вполне достаточно, а для невѣрующаго, сколько бы текстовъ мы ни приводили, они не будутъ имѣть никакого значенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, по моему мнѣнію, можно было бы обойтись совсѣмъ безъ текстовъ. Это тогда, когда извѣстная истина не вызываетъ никакихъ сомнѣній и возраженій, когда она очевидна для разума и нравственнаго сознанія. Таково, напримѣръ, ученіе о свойствахъ Божіихъ. Что Богъ благъ, справедливъ, всемогущъ, вездѣсущъ, неизмѣняемъ — это едва ли нуждается въ какомъ либо обоснованіи. Всякій знаетъ, что въ Библии содержатся объ этомъ тысячи свидѣтельствъ, да если бы и ни одного не было, это едва ли побудило бы кого нибудь изъ вѣрующихъ въ личнаго Бога отрицать принадлежность Ему этихъ свойствъ. При изложеніи подобныхъ истинъ можно приводить мѣста св. Писанія лишь для второй изъ указанныхъ цѣли, для болѣе детальнаго ихъ уясненія и для того, чтобы вѣрующіе могли составить себѣ по тому или другому отвлеченно догматическому вопросу болѣе конкретное представленіе. Такое значеніе можетъ имѣть, напримѣръ, текстъ: „*Камо пойду отъ*

Духа Твоего...“ при изученіи свойства Божественнаго вездѣ-
сущія.

Самъ составитель семинарскаго учебника по догматикѣ, митрополитъ Макарій, въ предисловіи къ своему труду говоритъ: „нѣтъ нужды приводить всѣ мѣста Писанія, которыя только могутъ относиться къ извѣстному догмату, а достаточно привести одни мѣста яснѣйшія, такъ называемыя *классическія*“ (стр. 10). Но на самомъ дѣлѣ онъ нисколько не руководствуется этимъ принципомъ и пользуется всякимъ поводомъ, чтобы кстати и не кстати набрать какъ можно больше текстовъ. Этому способствуетъ еще безконечная дробность его системы, множество раздѣленій и подраздѣленій, при чемъ авторъ, забывая о томъ логическомъ законѣ, по которому изъ справедливости общаго сама собою вытекаетъ справедливость частнаго, считаетъ нужнымъ, доказавши истинность перваго, приводить библейскія основанія и для подтвержденія втораго. А между тѣмъ въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Разъ, напримѣръ, доказано, что Господь Іисусъ Христосъ избавилъ насъ отъ *всякаго* грѣха, то становится уже совершенно излишнимъ приводить многочисленные тексты для подтвержденія того, что Онъ искупилъ насъ отъ грѣха первороднаго, личныхъ, прошедшихъ, будущихъ и т. д. Разъ мы не сомнѣваемся въ томъ, что Богъ знаетъ все, будетъ уже пустою тратою времени доказывать, что Онъ знаетъ міръ физическій, нравственный, небо, землю, адъ, прошедшее, будущее, необходимое, случайное и проч. Все сказанное объ учебникѣ митрополита Макарія вполнѣ приложимо и къ „Нравственному богословію“ протоіерея Солярскаго.

Но и тѣхъ классическихъ мѣстъ, которыя необходимы для доказательства извѣстныхъ истинъ вѣры и нравственности, нѣтъ нужды заучивать обязательно наизусть и при томъ по славянской Библии. Достаточно сознательной и толковой передачи ихъ по содержанію на родномъ русскомъ языкѣ. Изученіе текстовъ нѣкоторымъ дается легко, но для большинства составляетъ настоящую муку. Есть воспитанники, которые въ силу особой организациіи своего ума, скорѣе согласились бы приготовить нѣсколько страницъ, излагая ихъ своими словами, чѣмъ выучить нѣсколько строчекъ наизусть. Трудность буквальнаго заучиванія увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что тексты приводятся обыкновенно по славянски и

вслѣдствіе этого бываютъ не вполне понятны. Сюда слѣдуетъ присоединить специальную тяжеловѣсность и неуклюжесть славянскихъ оборотовъ, дѣлающія особенно обременительнымъ для памяти ихъ заучиваніе. Я помню, какъ нѣкоторые мои товарищи въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ зубрили извѣстный текстъ: „истинствующе въ любви...“ (Еф. 4, 15—16) и все-таки не могли одолѣть его.

Основаніемъ того, почему тексты обыкновенно приводятся по славянской Библии, выставляется то обстоятельство, что славянскій языкъ есть языкъ богослужебный, наиболѣе точный, выразительный, звучный и, главное, священный, соотвѣтствующій важности излагаемаго предмета. Но если бы мы и согласились признать за нимъ всѣ эти качества, они уничтожились бы однимъ его недостаткомъ — малопонятностью. И какими бы разъясненіями ни сопровождалось въ настоящее время изученіе текстовъ, оно все же въ значительной степени носитъ механическій характеръ. Центръ вниманія воспитанниковъ настолько сосредоточивается на изученіи самыхъ словъ, что содержаніе и внутренній смыслъ послѣднихъ отодвигаются на задній планъ. Такимъ образомъ на чисто механическую работу тратится огромная сумма энергіи, которая могла бы быть употреблена на болѣе глубокое усвоеніе догматовъ и пониманіе ихъ взаимоотношенія.

Противъ передачи текстовъ своими словами указываютъ на то, что иногда вся суть дѣла, вся доказательная сила извѣстнаго мѣста св. Писанія заключается въ какомъ нибудь отдѣльномъ словѣ или выраженіи, а между тѣмъ оно можетъ быть опущено учащимися, если не заставлятъ ихъ запоминать тексты буквально. Но во 1) такихъ библейскихъ свидѣтельствъ, значеніе которыхъ опредѣлялось бы однимъ какимъ нибудь заключающимся въ нихъ словомъ, а не общимъ ихъ смысломъ, сравнительно немного, а во 2) кто же мѣшаетъ преподавателю въ подобныхъ случаяхъ подчеркивать столь важные элементы текстовъ и даже предлагать учащимся запомнить ихъ наизусть. Въ настоящее же время заучиваются на память не только тѣ слова и выраженія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу, но и значительные отрывки изъ ихъ контекста, имѣющіе для нихъ значеніе рамокъ, показывающіе ихъ связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

II. Левитовъ.